

ТИТАРЕНКО Сергей Анатольевич – д.филос.н., профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208; sergey_titarenko@mail.ru)

НЕХАЙ Вячеслав Нурбиевич – д.соц.н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (slava0482@mail.ru)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОАЛИЦИЯ РАЗУМА. ВЛ. СОЛОВЬЕВ – Н. БЕРДЯЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ (к 140-летию со дня рождения Н.А. Бердяева)

Аннотация. В статье пойдет речь о некоторых предпосылках формирования мыслительного пространства двух великих философов русского религиозного Возрождения. Подчеркивается значимость идеи Коллинза о формировании философского знания как результата борьбы между цепочками личностей, заряженных эмоциональной энергией, обладающих культурным капиталом, за заполнение ограниченного числа центров внимания. Для объяснения русской религиозно-философской мысли Серебряного века, бывшей не академической, а социально-практической, эта идея формирования религиозно-философской сети имеет ключевое значение. Прослежено некоторое совпадение идейных биографий В. Соловьева и Н. Бердяева. Примечательно, что оба мыслителя называют свои размышления о судьбах России одним названием – «русская идея». Показано сизигическое единство мистического поиска, из которого возникает некоторая общность базовых мифологем. Авторы рассматривают созвучие идей В. Соловьева и Н. Бердяева через философию всеединства как конституирующих особый философский узел.

Ключевые слова: философия всеединства, внутренние коалиции разума, сизигийность, Абсолют, интерконфессиональность, Богочеловечество, русская идея

Владимир Соловьев и Николай Бердяев – самые популярные русские философы. Без преувеличения можно сказать, что именно по их взглядам западная историко-философская мысль судит о характере всей русской религиозной философии. Примечательно, что оба мыслителя называют свои размышления о судьбах России одним определением – «русская идея». В нашей статье пойдет речь о некоторых предпосылках формирования мыслительного пространства изучаемых нами философов.

В настоящее время в российской политике, культуре и философии отмечается повышенный интерес к этим знаковым фигурам. В частности, в послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. президент России В.В. Путин, обращаясь к авторитету Н.А. Бердяева, отмечал особое значение консерватизма как идеологии в сохранении традиционных ценностей¹. Вместе с тем многие современные исследователи, на наш взгляд, недостаточно «чувствительны» к уникальности и совместности духовного опыта В. Соловьева и Н. Бердяева. Поэтому наследие рассматриваемых мыслителей проникает в философский дискурс не в качестве живой мысли, а в качестве суммы отвлеченных идей. Исключение составляют несколько работ, рассматривающих творчество Соловьева и Бердяева в связи с русской и западной философскими традициями [Мотрошилова 2003; Евлампиев 2000]. На Западе специальные компаративные исследования творчества Бердяева и Соловьева не проводились. Однако немецкий исследователь В. Дитрих, давая глубокое осмысление идейных истоков филосоfovствования Бердяева, прослеживает влияние на него Соловьева [Dietrich 1979].

В фундаментальной работе Р. Коллинза «Социология философий» [Коллинз 2002: 53] предложен новый подход к рассмотрению историко-философского процесса, выявляющий социальную структуру мира философов. Автор рассматривает формирование философского знания как результат борьбы между цепочками лич-

¹ Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. Доступ: <http://www.gk.ru/2013/12/12/poslanie.html> (проверено 13.10. 2014).

ностей, заряженных эмоциональной энергией и обладающих культурным капиталом, за заполнение ограниченного числа центров внимания. Для объяснения русской религиозно-философской мысли Серебряного века, бывшей не академической, а социально-практической, эта идея имеет ключевое значение. В монографии отмечено наличие религиозно-философской сети, сгруппировавшейся вокруг Н. Бердяева. Однако истоком особой русской религиозно-философской цепочки Серебряного века был все-таки В. Соловьев. Интеллектуальные группы и линии соперничества между современниками, по мысли Коллинза, создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность: «группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это интеллектуальное сообщество является первостепенным» [Коллинз 2002: 53]. Коллинз строит свои объяснения на радикальном тезисе: «Индивиды суть узлы сетей социального взаимодействия — человеческие тела, где накапливаются эмоциональные энергии, а потоки идей-символов кристаллизуются в виде воображаемых коалиций в разуме» [Коллинз 2002: 61].

В историко-философской традиции осмысления русской религиозной философии Серебряного века неоднократно прослеживались взаимодействия философов в рамках интеллектуальных группировок, однако здесь акценты ставились, как правило, на событийной информации или на точках конфликтов и расхождений. На точках же взаимодействия, тем более на внутренних коалициях разума, акценты не делались. Цель данной работы — рассмотреть созвучие идей В. Соловьева и Н. Бердяева через философию всеединства как конституирующих особый философский узел. Задачами работы становится, во-первых, обращение к некоторым созвучиям в идейной биографии двух мыслителей и, во-вторых, рассмотрение сизигии смысложизненных мифологических конструктов.

Оба философа в юности пережили увлеченность материалистическими воззрениями и оба, по мере духовного становления, отошли от этих воззрений. Оба сначала пытались чисто рациональным путем обосновать истинность религии, и обоих сам ход такого обоснования привел к осознанию недостаточности рационализма и направил к новым способам постижения. Любопытно, что в период подготовки к написанию магистерской диссертации В. Соловьев некоторое время жил в монастыре, и даже был особо опекаем монахами с целью привлечения к вступлению на путь монастырского служения. Бердяев в период своего интеллектуального ученичества в Москве с 1908 по 1912 гг. активно посещал кружок Новоселова. Общаясь с членами кружка, изучая святоотеческую литературу, контактируя с монахами и людьми, близкими к старцам, он пытался приобщиться к смыслу православных таинств и практик. Именно в этот период Бердяев приступает и к повторному, более глубокому изучению наследия Соловьева, первое обращение к которому произошло в 1905 г., на стадии перехода к конкретному идеализму.

Достигнув целостного выражения своей философской системы в докторской диссертации, Соловьев порывает с академическим преподаванием и с увлечением погружается в написание книг, в культурно-религиозную публицистику. Через такого рода публичность философ стремится создать особую коммуникативную среду своих сторонников. Показательными в этом плане явились публичные лекции о Богочеловечестве, в период чтения которых к Соловьеву приходит осознание своего духовно-социального призвания. На все предложения возобновить преподавание философ отвечал отказом, ссылаясь на то, что это ограничит его творческую активность. Непродолжительный период профессорства Бердяева в советской Москве был для философа изначально вынужденной мерой, т.к. преподавательская работа давала право на получение продовольственного пайка. Но Бердяев с большим рвением отдается чтению лекций в «Вольной философской академии». В период эмиграции после относительно недолгого периода академического преподавания в Берлине, также вызванного необходимостью получения средств существования, к академической преподавательской карьере он больше не возвратится. Как и Соловьев, Бердяев посвящает свою жизнь написанию книг, культурно-философской публицистике и чтению публичных лекций. Большое внимание он

уделяет ясности и доступности своих мыслей, стремясь, подобно Соловьеву, создать в своих текстах особое коммуникативное пространство. Поэтому так важна для мыслителя личная переписка с читателями, а также встречи и живой диалог с ними, что особенно характерно для парижского периода.

И Соловьев, и Бердяев обращаются к поликонфессиональной церковной среде, выстраивая уровень своеобразной интерконфессиональности. Соловьев пытался под эгидой католичества объединить конфессии. Впоследствии (разочаровавшись в теократической утопии) в «Трех разговорах...» он выводит глав трех конфессий (православия, католичества, протестантизма) как дополняющих друг друга и совместной силой противостоящих Антихристу. Бердяев в эмиграции активно принимает участие в экуменическом движении, проводит интерконфессиональные собрания религиозных философов и деятелей христианских церквей, является активным деятелем «Лиги христианской культуры». В печатном органе русской религиозно-философской мысли «Путь» он публикует работы как папы римского и неотомистов, так и видных протестантских теологов.

Можно с уверенностью утверждать, что оба мыслителя переросли славянофильский антикатолический изоляционизм, и вместе с тем они видели исток духовно-религиозного перерождения в русской народной среде, в русском православии. Так, Соловьев на смертном одре исповедуется и причащается у православного священника. Философ молился о еврейском народе как источнике особого принципа совмещения духовного начала с жизненностью, но в духовном перерождении мира он видел особую миссию русского народа, преданно несущего божественные истины. Соловьев утверждает, что русским даже не нужно иметь других особенных призваний и достижений. Бердяев, несмотря на обращение своей жены в католичество (это был ответ на то, что православная церковь не уберегла Россию от большевизма) и широкий круг католических контактов, не переходит в католичество. Он остается прихожанином церкви Московского патриархата. Друг Бердяева протестантский пастор Эжен Порре в своей книге «Гости в доме священника» писал: «...хотя глубоко вселенский, и невзирая на ссоры, которые у него были с русской церковью как в ссылке, так и на его родине, он оставался основательно привязанным к православию, судьба которого связана с судьбой России» [Porret 1953: 50]. Таким образом, и Соловьев, и Бердяев видели в реальной Церкви особую соборность, которая позволит ей духовно переродиться в соответствии с запросами нового религиозного сознания.

Жизненный путь и Соловьева, и Бердяева прошел в метаниях между стремлением к созерцательному уединению с целью выработки идей и бурной общественной деятельностью. Соловьев активно общается со своими друзьями и последователями, ищет единомышленников в католической среде. Бердяев участвует в редакционных группах, в религиозно-философских обществах России, ведущую роль среди которых занимало религиозно-философское общество имени Владимира Соловьева, в Вольной философской академии и Религиозно-философской академии, в братстве святой Софии и Лиге христианской культуры.

И Бердяев, и Соловьев приходят к выводу, что прежний путь храмового, или исторического христианства завершен. Должно прийти новое христианство – гуманистическое. Новое обращение человечества к христианству они видят реализуемым не только через культ и служение, но и через свободное философское постижение верующим разумом христианских истин. Оба философа, признавая ценность откровения, идущего от Бога к человеку, вместе с тем настаивают на важности особого акта личного мистического постижения. Соловьев полагал, что необходимо интерпретировать данные откровения, опираясь на личный познавательный опыт. Бердяев также говорит о личном духовном, творческом усилии, посредством которого единственно возможно Богочеловеческое постижение.

Оба мыслителя настаивали на особой значимости философии как личного постижения истины (в отличие от религии как коллективного постижения) в современную духовную эпоху. При этом философия должна стать теософией. Под последней понимается познание, опирающееся на особое духовное постижение, на просветленный разум, а не на *ratio*. В свою очередь, религиозный опыт должен стать лич-

ностным, экзистенциальным. Руководствуясь принципом целостности духовного опыта (принципом, воспринятым у славянофилов), они утверждают философию как дело жизни, связывающее мысль с реальностью мира, с живой историей. Ими утверждается особое пророческое служение как деятельное устремление к преобразению жизни.

Мыслительное творчество Соловьева и Бердяева как особая духовная деятельность конституируется особым способом обоснования. Философы как бы проектируют идеальную смысловую картину мира, опираясь на которую человек может изменить свою жизнь к лучшему. Базовые константы этой картины хотя и за пределами для рациональной интерпретации, но необходимы для выводимых из них моральных регулятивов деятельности. Данный тип обоснования напоминает теологический дискурс, основывающийся на истинах откровения, предзаданных для рациональной деятельности и лишь допускающих дальнейшее выведение из них следствий рациональным путем. Здесь речь идет о личном мистическом опыте, который как бы заново просматривает прежний опыт откровения и оценивает его на предмет соответствия своему восприятию. Соловьев и Бердяев полагали, что мистическое видение возникает в переживании и хотя и не исчерпывается им, но все-таки родственно ему. Свою философию они пытаются построить на личном переживании Абсолюта.

Соловьев прорывается к Абсолюту через лично-трансцендентное начало в человеке и затем восходит от него к абсолютно трансцендентному. Сама Полнота описывается им сложными философскими спекуляциями, лишенными экзистенциальной составляющей. Бердяев также прорывается к Абсолюту лично-трансцендентно, но он оказывается ему изначально лично неудобен в дотварном состоянии. Поэтому он сразу берет его в акте творения и вместе со своим Другим – полноте, или свободе.

По-иному понимается и концепция Богочеловечества. Если для Соловьева это опирающаяся на общую духовную константу – трансцендентную идею Человека – достигаемая солидарность человечества, достигающая до Всечеловечества, то для Бердяева сама эта духовная константа требует прибыльного пересотворения вместе со всем творением, а реальный духовный успех человечества является лишь предварительным условием. Соловьев идет от Богочеловека через Человекобога к Богочеловечеству, для Бердяева же Богочеловек и человечество соучаствуют в преобразении в Человекобога.

Однако, несмотря на некоторые различия этих систем, их мистическая основа сизигийна. Поскольку при вхождении в вечность начала и концы совпадают, то Абсолют раскрывается как изначальная свобода, или первоединство в дотварном состоянии, затем – как данность совершенства Бога-Творца и взаимосоотнесенного с ним творения, сохранившего первозданную природу, и затем как Абсолютный Человек и Абсолютное Человечество как предельная точка развития, где человеком достигается вхождение в Творца и человечество возвышается до Богочеловечества. Вопрос о соотношении мифологем Н. Бердяева и представителей киевского круга русской философии рассмотрен подробно в работе Титаренко [Титаренко 2006].

Негативный характер социальных процессов в России, а также бездуховность мира Запада приводили философов к росту ощущения зла, царящего в мире, и ориентации на иномирные постижения. Особые формы мышления задавали особое измерение их языковой личности – символический уровень. Отсюда требование предельной экзистенциально-терминологической четкости, ведь именно выраженное в правильной конфигурации слов высказывание должно устремить дух к нужной направленности. Язык становится символом инобытия. Внемлющий слово должен возвыситься до процесса его творения и тем самым оказаться в той реальности, которая символизирована.

Подведем итог. Духовные искания самобытной русской философии в лице Владимира Соловьева и Бердяева, возвысивших эту традицию до уровня мирового философского развития, были направлены на поиск путей эволюции от европейской гуманистической мысли в сторону христианского мировоззрения. Но как это

бывает на путях эволюции, прежние формы настолько сковывали, настолько искажали другую реальность, что она не могла выступить в своем подлинном содержании. В поисках перехода от рационалистических форм гуманизма к духовному опыту христианства мыслители этой традиции воспроизводили, осознанно или неосознанно, подходы гностической мысли и родственные ей формы духовного опыта, и это накладывалось на их христианское миропонимание, порождая противоречивость их мысли. Русские философы полагали, что в обезбоженном гуманизмом мире они вновь повели человечество к Богу, но в своей философской апологетике христианства они, переходя границы философствования и вторгаясь в сферу религиозной веры, зачастую подменяли веру философствованием. Это приводило их к желанию изменять основы вероучения в соответствии со своими философскими идеями.

Список литературы

Евлампиев И. И. 2000. *История русской метафизики в XIX – XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. 1.* СПб.: Алетейя. 415 с.

Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения.* Новосибирск: Сибирский хронограф. 1283 с.

Мотрошилова Н.В. 2003. Николай Бердяев: Философия жизни как философия духа и западная мысль XX века. – *Историко-философский ежегодник 2001.* М.: Наука. С. 249-263.

Титаренко С.А. 2006. Влияние общения Бердяева с Шестовым и Булгаковым на формирование его мифо-религиозной позиции. – *Вісник Київського нац. університету ім.Т.Шевченка: Сер. Філософія. Політологія.* N 81/83. С. 102-105.

Dietrich W. 1979. *Nikolai Berdjajew, Anmerkungen und Exkurse.* Berlin: Burckhardthaus-Verlag. S. 459-467.

Porret E. 1953. *Hotes d'un presbutère.* Neuchâtel: Delachaux et Nestlé. 50 p.

TITARENKO Sergey Anatol'evich, *Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Adyge State University (Pervomayskaya str., 208, Maikop, Republic of Adygeya, Russia, 385000; sergey_titarenko@mail.ru)*

NEKHAI Vyacheslav Nurbievich, *Dr.Sci.(Soc.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Adyge State University (slava0482@mail.ru)*

EXISTENTIAL INTELLIGENCE COALITION OF V. SOLOVYOV AND N. BERDYAEV AND THE MODERN RUSSIAN IDEA (towards the 140th anniversary of the birth of N.A. Berdyaev)

Abstract. *The article traced a coincidence of ideological biographies of two great thinkers of Russian religious Renaissance. It is displayed the unity of the mystical search, from which some commonality of the basic mythology of the two thinkers is originated. Thus, V. Solovyov forces the Absolute through the personally-transcendent sources of a human being and then goes away to the absolute transcendence. N. Berdyaev also forces the Absolute personally-transcendentally, but it turns out, it was initially personally uncomfortable for him in primordial state, and so he immediately takes him in the act of creation, and together with his second.*

The authors are considering the consonance of ideas of V. Solovyov and N. Berdyaev through the philosophy of all-unity as constituting a special philosophic tie.

Keywords: *philosophy of all-unity, syzygy, the Absolute, inter-confessionality, Godmanhood, Russian idea*